

Рождение жанра

И.М.Бунин, Б.И.Макаренко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО

«До начала XXI века Россия будет существовать в условиях дикого рынка с характерными для него нечестной конкуренцией и целым рядом других негативных черт, заимствованных из теневой экономики и практики взаимообмана эпохи развитого социализма. Коррупция, организованная преступность также получат дальнейшее развитие», – эти строки были написаны Игорем Буниным и Марком Урновым более десяти лет назад. В той же статье, опубликованной в мартовском (1990) номере датского журнала «Udenrigs», содержались и другие сбывшиеся прогнозы – о реальной федерализации РСФСР, о почти ненасильственном характере предстоящего распада Союза ССР, об уходе Горбачева (если он не найдет общего языка с «радикальным блоком») и о многом другом. Разумеется, были в этом тексте и «непопадания», и наивные упрощения – но важно не это: политический прогноз как жанр появился в России десять лет назад и доказал свою состоятельность.

За прошедшие годы из «экзотики» прогноз превратился в весьма распространенный жанр, посредством которого сообщество политологов, социологов и других «гуманитариев» доводит до читающей публики свою точку зрения по широкому спектру проблем российской политики.

Прогнозированием занимаются и люди, состоящие на службе в государственных и коммерческих структурах, и независимые «мозговые центры». Этому разнообразию можно только радоваться: во-первых, чем больше точек зрения, тем труднее ошибиться, ибо только в спорах рождается истина. Во-вторых, слава Богу, что в России стали задумываться не только о том, что случится завтра утром, но и о том, что впереди. Характерно, что на государственном уровне Центр стратегических разработок празднует лишь первую годовщину своего создания. Становление этого центра – еще одно свидетельство окончания затянувшегося переходного периода.

Не скажем ни единого слова упрека в адрес своих коллег, работавших или работающих «внутри власти». Они компетентны и профессиональны, но само положение «внутренних аналитиков» серьезно ограничивает их способность дать объективный прогноз. Даже если они оценивают сложившуюся ситуацию непредвзято (что тоже непросто, когда ты вовлечен в борьбу на одной стороне), то размышляют о ее последствиях не в терминах «если

происходит А, то следует Б», а – «если они нас так, то мы их в ответ эдак». Не говоря уже о том факте (кстати, вполне нормальном), что «внутренние аналитики» не всегда могут публично выступать со своими комментариями и прогнозами.

Упомянем и еще об одном, крайне специфическом виде прогнозирования. Иногда обличье объективного прогноза принимает пиар-проект в области политики. Рисуя некую картину настоящего и/или «неизбежного будущего», авторы продвигают желательный для себя алгоритм развития событий и перемещения фигур в «верхах». Иначе говоря, такие прогнозы грубым способом объявляют «сказку былью». Опасность подобных начинаний нельзя недооценивать: это в Гидрометеоцентре никто не будет «по заказу» предсказывать дождь в период устойчивого антициклона (все равно земля останется сухой), а в российской политике виртуальная реальность, создаваемая «псевдопрогнозами», иногда оказывается более «настоящей», чем проза жизни.

Наверное, абсолютно независимых аналитиков – как и людей других профессий, причастных к политике, – не бывает. Каждый из нас ограничен собственными воззрениями, пристрастиями, наконец, инерцией прошлого опыта. Но если аналитик пытается «стоять над схваткой», профессионально прорабатывать все возможные сценарии развития событий, беспристрастно «сканирует» слова и поступки всех политиков (как симпатичных, так и антипатичных ему лично), он имеет шанс дать объективные, а при благоприятном стечении субъективных факторов – еще и точные анализ и прогноз развития ситуации.

На протяжении уже семи лет раз в два месяца наш Центр политических технологий выпускает «*Анализ и прогноз политической ситуации*» в России. Многие из этих документов (или их фрагментов) публиковались на страницах печати, в том числе в последние два года – на страницах «НГ-сценариев».

Цель этих прогнозов – выявление долгосрочных тенденций развития российской политики на основе анализа расстановки сил на политическом Олимпе и поведения ведущих политиков и партий. Логика подобного прогноза зачастую сводится не к «пророчеству», а, напротив, к определению «развилок» и последствий каждого из возможных на старте вариантов. Такие модели создают «объемную картинку» текущей политики и могут служить отправной точкой для политического планирования.

В конце еще одного бурного политического года мы решили оглянуться назад и посмотреть, что научилась делать отечественная политология, а где мы еще слабы. Самым честным способом анализа, на наш взгляд, будет обращение к собственному опыту. В подтверждение своих успехов и ошибок мы готовы представить уже весьма объемистые тома наших прогнозов – общим числом более 50.

**Прогнозы
выборов**

Может показаться парадоксальным, но такой масштабный процесс, как федеральные выборы, охватывающий все население страны и подверженный влиянию множества факторов, оказывается вполне прогнозируемым. Речь идет не о том, чтобы угадать с точностью до одного балла результаты победителей и проигравших. Так точно «не попадают» аналитики ни в одной стране мира (вспомним хотя бы итоги недавних выборов в США, где никто, похоже, не предвидел победы Гора в общенародном голосовании). Но на уровне общей картины выборов, примерной оценки результатов победителей в соревновании по партийным спискам (на выборах в Думу) или кандидатов в президенты картина понятна. Достаточно легко прогнозируются стратегии основных участников выборов, их поведение по отношению к соперникам (например, возможные союзы перед вторым туром на президентских выборах) и многие другие параметры.

Сразу оговоримся, что такое прогнозирование было бы невозможно, если бы за минувшее десятилетие в стране не появились профессиональные и компетентные социологические службы. Крупнейшие из них научились грамотно и более-менее точно улавливать тенденции в общественном мнении, в том числе – и рейтинги популярности политиков и партий. Только воздав нашим коллегам-социологам должное за эти достижения, можно начинать их критиковать: цифры не всегда точны, выборка неидеальна и т.п. Не будем говорить о фактах подтасовки данных и еще более частых конъюнктурных комментариях вокруг результатов социологических опросов. Серьезные социологические центры (в первую очередь – ВЦИОМ и Фонд «Общественное мнение») слишком дорожат своим именем, чтобы намеренно исказить аналитические данные. Итоги массовых общероссийских опросов дают достаточно объективную информацию аналитикам по таким ключевым для предсказания выборов темам, как:

- рейтинги политических партий и кандидатов;
- социально-демографическая и географическая структура их электоратов;
- возможности расширения электоратов за счет сторонников партий со схожими программами;
- ожидаемый уровень явки на выборы, в том числе «твердость» намерений сторонников различных партий действительно проголосовать за своих избранников.

Однако, как и всякая научная дисциплина, социология имеет свои пределы возможностей. Она не отвечает (да и не может ответить) на многие вопросы, оказывающие огромное воздействие на ход избирательной кампании. Социологи фиксируют (через замеры рейтингов) эффект тех или иных стратегических решений или тактических ходов партий, но механизм принятия этих решений и их воздействия на избирателей остается вне поля их зрения.

Фактически мы говорим о «портфеле ресурсов», с которым каждая партия вступает в предвыборную кампанию:

– Насколько велика, структурирована и дееспособна партийная организация в масштабах России? Может ли она стать «политической пехотой» партии в электоральных баталиях?

– Может ли партия рассчитывать на поддержку власти – федеральной или региональной? Будет ли пресловутый «административный ресурс» работать за нее или против, и насколько весомым будет его воздействие на кампанию данной партии?

– Какие группы элиты (политической, экономической, административной, информационной) могут стать союзниками партии в ее кампании?

– Какими финансовыми ресурсами будет располагать партия?

– Насколько велики информационные ресурсы партии? Через какие носители и в каких объемах она может использовать средства массовой информации?

– Как партия будет эксплуатировать тему поддержки (или критики) действующей власти в своей кампании?

– Насколько сильна конкуренция «партийных программ» схожей направленности, иначе говоря, со сколькими соперниками партии придется делить голоса своего сегмента электората?

Парламентские выборы 1995 г.

На выборах 1993 г. прогнозов практически не было – ни у нас, ни у других аналитических структур. Во-первых, структуры эти только появлялись; во-вторых, на низком уровне действовала наша социология; в-третьих (и это, пожалуй, главное), сами выборы были чрезвычайными, следовали непосредственно после кровавых событий октября 1993 г., когда общество еще не оправилось от шока. Именно поэтому таким «сюрпризом» стал успех партии В.Жириновского и относительная неудача «Выбора России».

Но уже два года спустя аналитики подходили к избирательному процессу во всеоружии.

Одно из первых методологических достижений нашего Центра – составление и аналитическое использование модели «портфеля ресурсов», т.е. дополнение данных массовых опросов экспертной политологической оценкой. Впервые мы применили эту методику в ходе парламентской кампании 1995 г. Оценка взаимозависимости и удельного веса этих ресурсов позволила нам распределить всех 43 участников «выборов-95» на четыре группы с точки зрения их шансов на взятие 5%-ного барьера. Свою точку зрения мы сформулировали за полтора месяца до выборов¹.

В первую группу – «партии с верными шансами» – у нас вошли четыре избирательных объединения, которые, как выяснилось 19 декабря, действительно преодолели барьер. Только КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко» обладали, по нашим оценкам, ве-

¹ Данный прогноз был опубликован в кн.: *Россия на выборах: уроки и перспективы*. М., Центр политических технологий, 1995.

сомым и относительно хорошо сбалансированным «портфелем ресурсов» для успешного выступления на выборах.

Мы не поддались на искушение оценить как «верные» шансы некоторых списков, которые по рейтингам мало чем отличались от фаворитов и претендовали на солидный электоральный урожай: мы предвидели, что острый накал политической дискуссии размоет нейтральный электорат «Женщин России», а эклектический характер блока КРО не даст проявиться в полной мере харизме генерала Лебеда. Поэтому эти партии (равно как и три другие – АПР, Партию Святослава Федорова и ДВР) мы отнесли ко второй группе – «шансы на успех при благоприятных обстоятельствах». Все эти пять партий действительно чуть-чуть не дотянули до заветных пяти процентов, но далеко оторвались от серой массы неудачников. Единственный список такого «класса», относительный успех которого мы не угадали, – это блок «Коммунисты за СССР». Таким образом, прогноз оказался верным в отношении всех победителей и пяти из шести списков «второго уровня».

Президентские выборы 1996 г.

С позиций сегодняшнего дня трудно удивить кого-нибудь нашими предсказаниями победы Б.Ельцина. Напомним, однако, что после успеха коммунистов на парламентских выборах и при 4%-ном рейтинге наш первый президент в начале 1996 г. отнюдь не считался фаворитом выборов, а все утверждения о том, что он останется у власти, предполагали некий «неэлекторальный сценарий».

Мы в своих рассуждениях исходили из того, что противостояние реформаторы – коммунисты было основной интригой российской политики. Тогда же мы обратили внимание на один интересный факт в опросах ВЦИОМ: Г.Зюганова категорически не принимали как президента всего 14% россиян, в то время как коммуниста на этом посту не хотела видеть практически половина населения. То есть, если Зюганова удавалось «сделать стопроцентным коммунистом», он наверняка проигрывал выборы. Другими словами, мы предсказали победу Ельцина в случае полной мобилизации всех антикоммунистических сил. Интересно, что правильно угадав «стратегическую линию», мы не могли предвидеть «периода застоя и шатаний» президентской кампании с конца декабря до середины февраля.

В конце февраля мы описали произошедшие в кампании перемены и ставший несомненным выход во второй тур именно Б.Ельцина и Г.Зюганова. В связи с темой второго тура было очевидно, что итог выборов зависит от эффективности работы по «созданию плацдармов» в смежных электоратах (что и проявилось в полную силу в приглашении «во власть» генерала Лебеда). Еще одна догадка родилась при анализе чеченской проблемы, ее особой важности для исхода выборов. Мы определили оптимальную стратегию власти следующим образом: «замораживание кон-

фликта, подаваемое общественному мнению как решительное действие и новый курс». Однако самое существенное, что было выявлено на этом этапе, – сохранение в президентском окружении конфликта между двумя силами и, соответственно, моделями поведения. Именно этот конфликт между кланами Чубайса и Сосковца – Коржакова всплыл на поверхность и разрешился в драматических событиях 19-20 июня.

Хотя, по нашему мнению, в первом туре Б.Ельцин должен был опередить своего соперника с незначительным отрывом, все же накануне выборов мы сформулировали четыре сценария второго тура в зависимости от исходов первого. Что касается реально случившегося, соответствующий сценарий получился весьма корректным – мы угадали и сохранение достаточно высокой мобилизованности электората, и «наступательный стиль» построения коалиций, и провал попыток Г.Зюганова сдвинуться в сторону «центра». Недоценили мы лишь «партию Сосковца», которая (вопреки нашим ожиданиям) все же решилась действовать, хотя и достаточно топорно.

Результаты мониторинга президентской избирательной кампании убедили нас в плодотворности используемых нами политологических подходов для анализа и прогнозирования политической ситуации в стране.

Предвыборные кампании 1999 и 2000 гг.

Прогнозирование второго цикла федеральных выборов стало одновременно делом более простым и более сложным по сравнению с первым. С одной стороны, методический инструментарий и навыки анализа, накопленные за прошедшие годы, оказались вполне пригодными и для кампании-99. К тому же большинство политических актеров обзавелись опытом и действовали более рационально, а следовательно – предсказуемо.

Но, с другой стороны, главная интрига «сдвоенного марафона» значительно затрудняла прогнозирование. В отличие от цикла 1995–1996 гг. основным противником действующей власти выступала не КПРФ – сила в достаточной степени «внешняя» по отношению к Кремлю, отделенная от нее многими барьерами и в элитном пространстве, и в обществе. В преддверии вторых президентских выборов главным было обеспечение преемственности власти, и основная конкуренция развивалась между «кланом Ельцина» и соперничающими с ним группировками «системной», т.е. в целом лояльной режиму элиты. В таких условиях и конкуренция партийных образований за ресурсы, и многие методы борьбы с оппонентами переместились в «коридоры власти», в сферу теневой, а не публичной политики, которая значительно хуже поддается предсказаниям.

Уже весной 1999 г. мы обозначили некоторые закономерности предстоящих выборов:

– беспспорные шансы КПРФ, «партии Лужкова» и «Яблока» на преодоление 5%-ного барьера;

– сценарии результата партии Лужкова – от второго места (на одном уровне с КПРФ) до просто хорошего результата – от чего зависело, сможет ли эта партия рассчитывать на успех на президентских выборах;

– верно был предсказан алгоритм составления «тройки» у «правых» (наличие в нем Кириенко и Немцова и исключение Гайдара и Чубайса);

– были описаны альтернативные колонны как способ снятия внутреннего напряжения для левых, при сохранении электорального доминирования КПРФ и малых шансов прочих «колонн»;

– ЛДПР была верно названа фаворитом в своем сегменте электората.

Самую большую проблему в прогнозировании «драматургии» выборов представляла собой партия власти. Мы правильно проанализировали процесс распада старой «ельцинской коалиции», нарастание проблем в отношениях президента и значительной части элиты. Задачи воскрешения «партии власти» в начале лета были нами сформулированы следующим образом:

- консолидировать остатки прорезжимных сил;
- найти консенсусного для них кандидата в президенты;
- устранить конкурента в лице партии Лужкова.

Скажем откровенно: нам тогда эта задача казалась неразрешимой. В июне мы нарисовали четыре сценария из комбинаций двух переменных – успех (провал) пропрезидентского блока под условным названием «Россия» и успех (провал) блока Лужкова. Сочетание «успех пропрезидентского блока и провал Лужкова» было признано нами нереальным. Через месяц мы сделали вывод, что события развиваются по сценарию №1 (успех Лужкова и провал блока «Россия»), что на тот момент (конец июля – начало августа) было очевидным.

Только что созданный блок «Отечество – Вся Россия» расценивался как первая удачная попытка самоорганизации элиты без благословения Кремля. Мы сделали оговорку, что прочность этого союза остается сомнительной, но де-факто предрекали успех «партии будущей власти».

Эта ошибка, которую мы считаем едва ли ни самой крупной в своей аналитической работе, была порождена не только инерционностью мышления – ею страдают практически все люди нашей профессии. Вспомним, что в успех Путина на момент его назначения мало кто верил в российском политическом сообществе – слишком сильными казались инерция «чехарды премьеров» и ощущение безысходности, порождаемое действиями ельцинской команды. Мы ошиблись потому, что не счита-

ли возможным сочетание двух факторов, которые, конечно же, взаимосвязаны:

1) строительство «партии власти» как виртуального проекта, а не коалиции элит;

2) появление нового кандидата в президенты, являющегося преемником Ельцина, и, в то же время, не несущего ответственности за его действия.

В свою очередь, максимально сильное действие этих факторов имело свою причину – резкий перелом парадигмы общественных настроений в связи со взрывами в Москве и военной операцией на Северном Кавказе. Запрос на «стабильность», которому почти идеально соответствовал лидер ОВР Е.Примаков, сменился запросом на порядок и безопасность, на объединение нации против очень близкой угрозы терроризма. Разумеется, это объяснение весьма лаконично – в реальности новые процессы в общественных настроениях носили более глубокий и комплексный характер, и чуть позже, в сентябре-октябре, мы их подробно описали, объясняя начавшийся взлет Путина. Но повторим, здесь мы, скорее, оперативно реагировали на события, чем прогнозировали их. И опять же – еще не верили, что власть «успеет на поезд» парламентских выборов.

Август-сентябрь стали временем реструктурирования иерархии партий, готовящихся к участию в выборах. Тогда мы очень сомневались в реальности шансов только что образованного СПС – последствия ухода Степашина в «Яблоко» были явно переоценены. Хотя верно угадана беспрецедентная жесткость кампании и перенасыщенность «компроматом» из-за участия в выборах явно враждебного Кремлю Ю.Лужкова. Тем не менее уже тогда мы сделали вывод, что команда Ельцина правильно нашла стратегию и кандидата, соответствующих этой парадигме.

В ноябре мы решились на прогноз результатов выборов, который выглядел следующим образом:

Партия/блок	Прогноз		Реальный результат	
	Список	Одномандатники	Список	Одномандатники
КПРФ	до 30%	40–65	24.29	47
«Медведь»	Перейдет барьер	Единичные	23.32	7
ОВР	10–12%	25–40	13.33	30
СПС	Перейдет барьер	≈5	8.52	5
Яблоко	Перейдет барьер	≈10	5.98	4
ЛДПР	На грани 5%	0	5.93	0

Таким образом, мы угадали почти все – причем как по спискам, так и по одномандатным округам (в данном случае приходилось опираться преимущественно на экспертные оценки, а не на социологические данные). Не случайно директор ЦПТ И. Бунин сразу после оглашения первых результатов выборов (по 2% подсчитанных голосов) в прямом эфире НТВ назвал почти точный размер будущих фракций.

Два значительных «непопадания» – не предсказан оглушительный успех «Медведя», но его не предвидел в таких масштабах никто, включая, пожалуй, и сам штаб этой партии. Вторая неточность – переоценка «яблочных» одномандатников. Таким образом, на выборах 1999 г. прогнозированию хорошо поддавалось все, что не оказывалось под прямым воздействием «партии власти»; ее успех (и поражение конкурентов) также не стал сюрпризом, но вот масштаб этого успеха (очень высокий результат «Медведя», быстрота подъема СПС, на тот период ближайшего союзника партии власти) оказался более значительным, чем мы предвидели.

Президентские выборы 2000 г.

После подведения итогов парламентских выборов сомнений в исходе «президентского марафона» уже практически не оставалось. Однако это не значит, что прогнозировать было нечего – конкретные детали «драматургии» президентских выборов представляли немалый интерес.

В конце декабря мы попытались описать особенности президентской кампании 2000 г. и начали с ошибки: мы не угадали, что Ельцин сложит полномочия досрочно. Как и многие наши коллеги, мы считали, что «характер» первого президента исключает возможность такого шага. Объяснение драматического поступка Б. Ельцина нашлось – он не мог уйти под давлением или как проигравший, но решил на этот шаг, когда посчитал полностью реализованной свою стратегию обеспечения преемственности власти. За этим исключением наш прогноз на выборы был вполне корректен:

– Мы указали на фактическую безальтернативность Путина на предстоящих выборах. Это подразумевало плебесцитарный характер предстоящего голосования, которое фактически сводилось (для большинства избирателей) к выбору между голосованием «за Путина» или «против Путина».

– Была описана интрига противостояния действующего президента с Зюгановым, которая при внешнем сходстве с выборами 1996 г. имела существенное отличие – предрешенный результат и отсутствие антикоммунистического накала в кампании Путина.

– Правильно обрисована партийно-политическая база Путина на президентских выборах, в которую оказались включены практически все некоммунистические партии, кроме «Яблока».

– Соответственно, мы предположили, что Е.Примаков, скорее всего, откажется от сделанной в декабре заявки на участие в выборах, поскольку победить на них он уже не мог, а реальная перспектива третьего места не была для него привлекательной.

По ходу президентской кампании мы предугадали еще ряд ее параметров и стратегии кандидатов. Мы предсказали победу и.о. президента в первом туре, поскольку, согласно нашему анализу, только экстремальное сочетание неблагоприятных для Путина факторов могло помешать ему набрать 50% голосов; описали главную стратегическую линию кампании Путина – сохранение максимально широкой базы поддержки в обществе, что предполагало «эклектичность» его программы и поступков, минимизирующую возможность разочарования значимых групп избирателей в кандидате-фаворите. Кстати, такая линия (как мы и прогнозировали) обусловила, мягко говоря, скромную роль организованных политических партий в кампании Путина.

Поскольку данная кампания не носила выраженного антикоммунистического характера, она оставляла Г.Зюганову свободу действий в работе со своими традиционными сторонниками. Исходя из этого, у коммунистов ожидался достаточно высокий результат, хотя мы считали, что показатель коммунистического кандидата не превысит 25%.

Угадано было и третье место Г.Явлинского, причем мы сочли маловероятной масштабную мобилизацию либеральных избирателей вокруг лидера «Яблока» – и действительно, он не смог выйти за рамки традиционного партийного электората, набрав всего 6% голосов.

Единственный значимый параметр, который мы не смогли верно спрогнозировать, – это высокая явка на выборы, но она была обеспечена не накалом избирательной кампании, а активно задействованным «административным ресурсом».

Подводя итоги предвыборных прогнозов, можно сказать, что общий уровень «попадания» достаточно высок. Разумеется, многое (в том числе – примерные цифры) становится «видным» только в последние месяц-два перед голосованием, но общие тенденции и стратегия действий основных участников просматриваются задолго – хотя бы на уровне сценариев и развилок.

Особый жанр: образы политиков и прогнозы

Одна из тем, которой наш Центр занимается постоянно, – прогнозирование электоральных перспектив ведущих политиков. Тема эта необъятна как океан, поэтому остановимся только на одном ее конкретном аспекте: насколько «инструментальными» и пригодными для прогноза оказываются существующие в общественном сознании образы политиков.

Очень важным в образе политиков, имеющих президентские амбиции, оказывается масштаб их личности – то есть то, насколько

ко значимой фигурой тот или иной политик представляется избирателю. Например, в кампании 1996 г. одним из факторов победы Ельцина стало явное превосходство масштаба его личности по сравнению с Зюгановым, да и с другими кандидатами. Причем этот масштаб обеспечивался не только «царской мантией», но и всей, в том числе и политической, карьерой президента.

«Замер» масштаба образа политика можно производить разными средствами, например, используя качественные социологические исследования методом фокус-групп. В ассоциативных тестах респонденты сравнивают политиков с животными, растениями, литературными персонажами и т.п. Эволюция масштаба потенциальных кандидатов в президенты позволяла достаточно точно оценивать их шансы на «раскрутку».

У В.Черномырдина в период премьерства «тотемом» в ряду ассоциаций долгое время являлся медведь – мощный, масштабный зверь, явно соответствующий статусу первого лица (заметим, например, что среди кандидатов в губернаторы всегда находится один и только один «мишка» – чаще всего действующий глава области). После отставки и особенно провала в Думе в сентябре 1998 г. образ ЧВС стал «мельчать» – до бегемота или кабана. После югославской миссии медведь вернулся к ЧВС – но это был уже другой зверь – не простоватый и добрый мишка из сказки, а агрессивный медведь-шатун. **Можно было с уверенностью утверждать, что такой образ создает у избирателей чувство опасности, т.е. потенциал расширения популярности у этого политика оказался полностью утрачен.**

Ю.Лужков долгое время не обладал «медвежьим» образом – по масштабу он явно уступал первым лицам. Только весной-летом 1999 г. с выходом московского мэра на авансцену политики медведи стали появляться в ассоциативном ряду, но в компании с другими, менее крупными животными. Даже на пике подъема популярности федерального масштаба этому политику явно не хватало. **Мы предполагали, что такое положение делает московского мэра уязвимым для агрессивной контрпропаганды – что, собственно говоря, и случилось несколькими месяцами позже.**

Е.Примаков в 1998–1999 гг. практически не имел соперников с точки зрения масштаба личности. Редкий случай – после отставки этот масштаб не только не свернулся, а наоборот вырос (в отличие от эволюции образов Черномырдина, Кириенко, Степашина). Однако солидный масштаб в сочетании с «неподвижностью», «немобильностью» сослужил экс-премьеру плохую службу. Пока его образ, подобный бронзовой статуе, опирался на набиравшее обороты политическое движение ОВР, все было хорошо. Но когда ОВР «забуксовало» и фактор движения был потерян, масштабный образ оказался бесполезным – статуя «раздавила пьедестал», на котором возвышалась. **Мы указывали, что солидный возраст и**

низкая мобильность образа накладывают серьезное ограничение на электоральную судьбу лидера ОВР.

Может показаться парадоксом, но те политики, которые были связаны со списком «Медведя», этого зверя в характеристике своего образа не имели. Не будем брать А.Карелина – «медведеподобность» ему придавала не политическая, а спортивная весовая категория. С.Шойгу до медведя так и «не дорос», а В.Путин в первые месяцы набирал популярность за счет другого образа – Ивана-царевича, который пришел на службу старому царю, а в конце концов сменил его на престоле. Но чем ближе были выборы, чем увереннее прогнозировалась его победа, тем больше царственных животных (в том числе – медвежьего племени) появлялось в его образе. Если у Примакова отсутствие динамизма «съело» масштаб, то у Путина именно динамизм в сочетании с пребыванием на высшем посту в государстве стали средством его возвышения до президентского образа.

Приведенные выше примеры – лишь маленькая иллюстрация к тому, насколько сложным и многофакторным является политическое прогнозирование. Поэтому не судите нас строго за ошибки. Мы не волшебники – мы еще только учимся.

Пределы прогнозируемости

Законы жанра: что можно прогнозировать?

Перечень достижений и неудач в прогнозировании выборов позволяет сформулировать некоторые выводы более общего характера, которые вполне применимы и для анализа политических процессов в российском обществе в межвыборный период.

Итак, долгосрочные политические процессы более прогнозируемы, чем краткосрочные. Иначе говоря, общие тенденции развития на десятилетие вперед обозначить легче, чем ответить на вопрос, что случится завтра или через месяц. Чем протяженнее период прогноза, тем сильнее влияние объективных факторов – законов экономического развития, эволюции системы ценностей в обществе и т.п. – и тем «сглаженнее» эффекты колебания экономической и политической конъюнктуры.

Поведение устойчивых политических институтов – партий, палат парламента, кабинета министров – более понятно для аналитика, поскольку они действуют в рамках множества ограничителей – законодательства, формальных и неформальных правил, позиций относительно других институтов, наконец, своих корпоративных интересов. Действия же отдельных политиков, обладающих относительной свободой, таят в себе гораздо больше неопределенностей. В силу этого обстоятельства легче прогнозировать, что будет делать премьер-министр, лидер думской фракции или губернатор, и труднее «просчитать поведение» фигур из админис-

трации президента или такого «политического олигарха», как Б.А.Березовский.

Итак, сформулируем еще одну «развилку» политического прогнозирования: можно пытаться (и довольно успешно) реконструировать ход рациональных размышлений, но почти **невозможно сымитировать интуицию, «нюх», политическое чутье**. Крупный политик – такой, например, как наш бывший президент, – чаще мыслит не в категориях «институтов» и «тенденций», а персонифицирует проблему, стремится использовать в своих интересах сильные стороны своих союзников и слабости противников. Аналитик может констатировать, что ситуация заходит в тупик – политик же прекрасно знает, что «патовая ситуация» в реальной жизни невозможна; аналитик ищет «хвостики» в горديевом узле – политик разрубает его мечом. Такое наблюдение справедливо в отношении политиков и аналитиков во всем мире, но оно особенно ярко выражено в переходных, посткоммунистических странах. В них правила игры по демократическим законам еще слишком свежи и хрупки, политические институты еще не обросли сакрализующей их традицией и неформальными обычаями. Только в таких странах можно резко ломать конституции, расстреливать парламенты, отправлять в отставку популярного премьера накануне голосования по импичменту. Кстати, Ельцин с его пресловутой непредсказуемостью в этом смысле, скорее, типичная фигура, чем исключение: вспомним хотя бы конституционный референдум, устроенный «тишайшим» украинским президентом или реформу государственного строя в Молдове.

Естественно, что самой трудной областью для прогнозирования являются **кадровые перемещения**. В силу и конституционно-го строя, и особенностей политической практики кадровая политика в России носит почти исключительно теневой характер. Не считая непродолжительного периода после кризиса августа 1998 г., когда правительство зависело от Думы не меньше, чем от президента, все кадровые решения исполнительной власти «зреют» и свершаются в дворцовых коридорах. Понятия ответственности за неудачное кадровое решение в России практически не существует, как убедительно показал пример «обеспечения преемственности власти»: второй президент не был «наказан» избирателем за все провалы выдвинувшего его предшественника. Нет ни правящей партии, ни стабильной коалиции элитных интересов, которая могла бы контролировать процесс кадровых перемещений и предостерегать президента от рискованных шагов ради сохранения своих позиций во власти или по крайней мере – от потери лица в публичной политике. В таких условиях реальной информацией о готовящихся назначениях могут располагать (а могут и не располагать) только «инсайдеры» – люди, ходящие по этим самым дворцовым коридорам. Среди таких людей есть и аналитики –

были при Ельцине и остались при Путине. Но, как мы уже указали выше, эти люди решают другие, сугубо инструментальные задачи. «Извне» же приходится только улавливать косвенные сигналы о том, что «варится на кухне» кадровой политики.

Неверные прогнозы тоже сбываются

Попробуем проиллюстрировать на примерах из прогнозов нашего центра некоторые события вчерашней и сегодняшней российской политики.

ЧВС как объект прогноза. С личностью премьера В.С.Черномырдина у нашего центра связано несколько лет работы. В начале 1995 г., анализируя кризис в отношениях между президентом Б.Ельциным и выбороссами, мы предположили, что единственно возможный способ воссоздать партийную опору для Кремля – «направить на партработу» премьера. При всех, мягко говоря, неоднозначных последствиях этого сбывшегося прогноза, ЧВС к началу 1998 г. стал мощнейшей политической фигурой; сколько бы раз ему ни предрекали отставку, он выходил из каждого кризиса с еще более солидным «портфелем ресурсов». А тут еще раз заболел президент, вступил в силу конституционный закон о правительстве, расширявший права его председателя... Короче, в конце февраля 1998 г. мы сделали вывод о том, что снятие с должности ЧВС практически невозможно, так как это разрушит всю партию власти при почти недееспособном президенте и близившемся финансовом кризисе. 23 марта мы, казалось бы, были посрамлены. На самом же деле наш прогноз оказался верным: после отставки ЧВС ельцинская «партия власти» рухнула бесповоротно; новый премьер не удержал ни эту «партию», ни финансовую ситуацию, а вернуть Черномырдина на Олимп через пять месяцев Ельцину не позволила оппозиция. Рожденная кремлевско-коридорной политикой кадровая ошибка ввергла команду Ельцина в затяжной кризис, из которого она вышла только осенью 1999 г. Кстати, не поддавался прогнозу и выбор Ельциным Кириенко. Потом уже мы нашли подтверждение импульсивному характеру этого выбора: на первой аудиенции у Ельцина будущий премьер щеголял в сереньком спортивном пиджаке, а не в строгом костюме, подобающем такому случаю. Значит, вызвали срочно. Рационально можно было бы перебирать десяток «тяжеловесов», просчитывать, какая группа кого будет «толкать», но угадать «киндер-сюрприз» было не по силам никому.

Испытание импичментом. Весна 1999 г. принесла новый политический кризис. Казалось, что после поражения от Думы предыдущей осенью президент уже не найдет сил для новой победы. Правда, не верили мы и в то, что Дума сможет начать процедуру импичмента президента. Расчет голосов показывал,

что даже при крайней степени антипрезидентской мобилизации практически невозможно набрать триста голосов ни по одному пункту обвинений.

Итак, ситуация выглядела ничейной. Мы верно оценили выдвижение С. Степашина на пост первого вице-преьера как ход, ставящий Думу в положение цугцванга: оттягивать голосование по импичменту более было нельзя, в то же время провал импичмента возвращал президенту политическую инициативу и лишал Примакова премьерского кресла. Угадав первый ход, мы «просмотрели» вариант с отставкой Примакова до импичмента, который напугал Думу и предопределил исход голосования и последующее триумфальное утверждение Степашина премьером. Потом мы смогли правильно объяснить эту ситуацию (с уходом Примакова политические последствия успеха импичмента теряли для оппозиции всякий смысл, так как он должен был «подхватить власть»), но опять интуиция политика оказалась сильнее рационализма аналитика.

**Новый
президент –
новые
прогнозы**

Смена власти в России – это почти смена эпох. Российская история XIX в. связана с правлением царей, XX в. – генсеков, а теперь – президентов. В уходящем году часто звучал вопрос «Who is Mr. Putin?» – общество пыталось представить себе, что несет ему новая эпоха. На самом деле уже в первые месяцы правления Путина стали ясны основные черты его «властного проекта». В марте 2000 г. мы отметили:

- смену главной оси российской политики (конец эпохи поляризации с коммунистами);
- тенденцию деавтономизации всех отрядов старой элиты, пересмотр многих правил ельцинской эпохи;
- основные черты институциональной политики: ослабление роли правительства, повышение влияния АП, грядущее наступление на губернаторов;
- общую стратегию в отношении элиты: апелляция к обществу поверх голов «бояр».

К таким выводам нас приводили соображения разного порядка. Во-первых, во многом такая повестка дня была задана новому президенту объективной реальностью – кто бы ни сменил Ельцина в Кремле, он вынужден «разбираться» со старым клубком неформальных элитных связей, «встряхивать» государственную машину, искать пути к ускорению экономического развития. Во-вторых, новый президент представлял собой уникальное сочетание преемственности и обновления. С одной стороны, он являлся выдвиженцем ельцинского клана, поднявшегося на борьбе с «фрондой» региональных элит. С другой стороны, он вознесся на вершины политики лишь в последний год предыдущего правления и был меньше «погружен» в наследие ельцин-

ской эпохи. Наконец, в-третьих, по своему личностному складу он был более готов к радикальному отходу от доставшегося ему наследства.

В принципе все, что было сказано в марте по поводу «путинского проекта», сохраняет актуальность и поныне. В течение года мы дополняли этот прогноз новыми чертами и деталями. В апреле по горячим следам выборов мы предсказали передел в отношениях «центр-регионы» и некоторые его последствия (в частности, протест со стороны регионов-доноров). Тогда же мы описали кризис партийной системы и предсказали войну президента с «медиа-магнатами».

Летом мы дали развернутую характеристику нового политического режима, назвав его «харизматически-бюрократическим»; проанализировав ход «партийного строительства новой «партии власти», мы выразили скепсис в отношении «Единства» по причинам, которые «всплыли» несколькими месяцами позже на II съезде этой партии. Наконец, тогда же мы сделали вывод, что команда нового президента обладает немалым запасом прочности, и что «горячей осени» в России не будет.

Таким образом, при всех переменах в российской политике, при новом стиле государственной власти осмысленное прогнозирование ее действий и их последствий для общества остается вполне рациональной и посильной задачей. Осмелимся предположить, что наш труд в области политического прогноза вносит свой скромный вклад в построение в России современного демократического, а потому – предсказуемого общества. Будем дальше учиться прогнозировать непредсказуемое.